Иван Сергеевич Тургенев

Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре

Иван Тургенев

Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре

«Public Domain»

1869

Тургенев И. С.

Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1869

8 и 11 апреля н. ст. 1869 г. в Веймаре впервые была поставлена оперетта «Последний колдун» («Der letzte Zauberer») – слова Тургенева, музыка П. Виардо. Воодушевленный успехом оперетты, Тургенев поделился своими впечатлениями от ее постановки в статье, облеченной в форму письма к П. В. Анненкову. При публикации этого «письма» Анненков сопроводил его особым «примечанием» с целью ускорить постановку оперетты в России: «М. г., – писал Анненков. – Посылаю письмо И. С. Тургенева для напечатания в нашей газете. Несмотря на его интимный, домашний, так сказать, характер, мне кажется, что оно не будет лишено интереса и для публики как первое известие о музыкальной новости, получившей восторженное одобрение Листа и других знатоков дела и любопытной но именам авторов, участвовавших в ее создании. Опера г-жи Виардо на текст И. С. Тургенева обойдет, вероятно, множество европейских сцен, и желательно было бы, чтобы она не миновала и русской, хотя бы для того, чтобы убедить публику в возможности соединить глубокое творчество, свежее вдохновение, поэзию и грацию в произведении без всяких претензий, без колоссальных сложных замыслов, без громадных требований от постановки и певцов и без многого прочего…»

© Тургенев И. С., 1869
© Public Domain, 1869

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 10
Комментарии

Иван Сергеевич Тургенев
Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре

Я обещал рассказать вам мою поездку в Веймар – и вот, вернувшись оттуда в мое баденское гнездышко,[1] берусь за перо. Вы знаете, что к этой поездке меня побудило исполнение на веймарском театре (8-го апреля, в день рождения великой герцогини) оперетки: «Последний колдун», музыка которой принадлежит г-же Полине Виардо, а текст – мне. «Последний колдун» – вторая из трех опереток, уже написанных ею.[2] Первым поводом к их сочинению было желание украсить семейный праздник исполнением музыкально-драматических сцен, в котором бы приняли участие дети и ученицы г-жи Виардо. Попытка удалась; шутка, как говорится, пошла в дело; в зале моего дома устроилось подобие театра – и с тех пор уже довольно многочисленная публика, в рядах которой находились первоклассные музыкальные авторитеты,[3] могла оценить замечательный композиторский талант г-жи Виардо. Слух о наших представлениях дошел до великого герцога Веймарского (сестра его, прусская королева, была одною из самых постоянных наших посетительниц). Он пожелал поставить одну из опереток – именно «Последнего колдуна» на сцене своей столицы. Особенно горячо принялся за это дело находившийся тогда в Веймаре Лист;[4] ознакомившись с партитурой г-жи Виардо, он стал настоятельно требовать ее безотлагательного исполнения; благодаря его хлопотам и неутомимой деятельности капельмейстера Лассена[5] (этот отличный музыкант превосходно инструментировал «Последнего колдуна», согласно с указаниями г-жи Виардо), всё поспело вовремя, несмотря на кратковременный срок. Музыкальный критик и литератор Рихард Поль[6] перевел весьма удовлетворительно французский оригинал на немецкий язык.

Сюжет оперетки очень не сложен. Где-то далеко, за тридевятью землями, живет в большом лесу колдун, по прозванию Кракамиш. Он был некогда очень могуч и грозен; но волшебство его выдохлось, сила ослабела, и теперь он едва перебивается, в поте лица добывая своим волшебным жезлом лишь насущное пропитание. Великолепные палаты, им воздвигнутые, понемногу съежились в желтую хижину; слуга его, великан и силач, способный ворочать горами, как сахарными головами, превратился в тщедушного и тупоумного карлика. Кракамишу этот упадок собственного значения еще потому особенно чувствителен, что у него дочь, по имени Стелла, которой он готовил блестящую будущность… В том же лесу обитают духи женского пола – эльфы; ими предводительствует царица. Эти эльфы – заклятые враги Кракамиша; им очень было не по нутру, что он вздумал поселиться в их родном лесу; но тогда они не могли этому воспротивиться; теперь же они всячески досаждают старику, бесят его, выводят его из терпения. В соседстве леса живет один царь; у него сын, принц Лелио, который часто ходит охотиться в этот самый лес. Царица эльфов взяла его под свое покровительство и хочет женить на Стелле, которую она полюбила, несмотря на то, что она дочь Кракамиша, – и, конечно, достигает своей цели. На это, как видите, незатейливое либретто г-жа Виардо написала поистине прелестную и вполне своеобразную музыку. Сначала идет интродукция вроде небольшой увертюры; две, три главные фразы оперетки красиво переплетаются в этой интродукции и разрешаются торжественным fortissimo[1]. Поднимается занавес, и начинается грациозный хор эльфов, дразнящих Кракамиша; он возится перед очагом в своей хижине, а они через трубу заливают ему огонь и смеются над его бессильным гневом. Царица является; одна из эльфов докладывает, что ей удалось обмануть

[1] очень громко (*итал.*).

Кракамиша и уверить его, что к нему в тот день должно явиться посольство от подвластных ему кохинхинских духов[7] с обычной, но уже давно ими не выплачиваемой данью, а именно с веткой травы Моли́, уже известной грекам и упомянутой в Одиссее;[8] эта чудесная трава способна возвратить человеку молодость, красоту и силу. Эльфы сами перерядятся в кохинхинцев и, забравшись таким образом в жилище врага (без хитрости им это сделать невозможно – настолько могущества еще осталось у Кракамиша), вдоволь над ним потешатся. Царица одобряет этот план… но вот раздается звук рога: принц Лелио приближается – эльфы исчезают. Входит принц и поет романс в двух куплетах; он «ранил оленя стрелою, но сам ранен в сердце». Он уже видел Стеллу, но не знает, кто она. В это мгновение является царица. (Все ее речи – мелодрама, то есть сопровождаются музыкой.) Она бросает принцу заколдованную розу; роза эта должна сделать его невидимкой для всех, исключая самой Стеллы, но колдовство действует только по захождении солнца. Потом она берет с него клятву в слепом повиновении и указывает на Стеллу, которая появляется у окна своего дома. Лелио хочет броситься к ней, но царица повелевает ему удалиться: он повинуется. Входит Кракамиш; в длинной, чрезвычайно характеристической арии он рассказывает свое горе… Однако известие о посольстве кохинхинцев, которому он поверил, возбуждает в нем надежду и бодрость. Две, три капли дождя падают ему на лицо… «Как! – восклицает он, – волшебная сеть, которою я окружил мое жилище, также утратила свою силу и пропускает воду, ни дать ни взять старый макинтош?» Он зовет своего идиота-слугу Перлимпинпина, посылает его за зонтиком. Происходит комическая сцена, кончающаяся тем, что Кракамиш, взбешенный, прогоняет в толчки Перлимпинпина и уходит сам за ним. Из дому выступает Стелла… Она сожалеет об отце, упоминает о своей таинственной покровительнице, царице эльфов, о прекрасном незнакомце, с которым она ее свела, и, заметив падающие капли дождя, в небольшой, но прелестной арии, одном из лучших нумеров всей оперетки, обращается к ним, просит их полить ее цветы. Царица является снова (появление ее происходит всегда на заднем плане, так что лица, с которыми она говорит, ее не видят) и предуведомляет ее о скором свидании с Лелио. Обрадованная Стелла удаляется, а на место ее входит Перлимпинпин. Он поет арию, комизм которой заключается в том, что он, вследствие своего умственного ослабления, никак не может окончить собственную мысль. Музыка как нельзя лучше соответствует словам. Роль эта была написана для одиннадцатилетнего сына г-жи Виардо – и он исполнял ее в совершенстве. Вдруг слышится за сценой фантастический марш: то приближается кохинхинское посольство. Перлимпинпин бежит предуведомить своего господина – оба в страшном волнении, чуть с ног друг друга не сшибают… Кракамиш намерен встретить своих бывших подданных во всем величии власти, требует кресла в виде трона, торжественного колпака… Перлимпинпин суетится. Кое-как всё улаживается, и при входе посольства Кракамиш уже восседает на кресле и с важностью кивает головою в ответ на поклоны переряженных эльфов. Последние звуки марша замирают… Кракамиш произносит нечто вроде тронной речи (прусский король, видевший два раза нашу оперетку, особенно забавлялся этим пассажем), упоминает о «престиже» своего имени, о своей династии, о своем желании сохранить мир и т. д.[9] Наконец требует траву Моли, заключенную в драгоценной шкатулке. Но тут обнаруживается предательский ков: эльфы сбрасывают свои костюмы, царица является на их зов, сбитый ею колпак летит с головы Кракамиша… Подхваченный своими безжалостными врагами, он долго вертится в бешеном вальсе… Измученный, полуживой, он спасается наконец в свое жилище. Эльфы празднуют пляской свою победу, пока царица не отдает им приказа – удалиться на покой до следующей ночи. Большой, весьма развитый и чрезвычайно мелодический хор (Лист особенно им любовался) оканчивает первый акт.

Во втором акте декорация не меняется. Он начинается небольшим романсом Лелио, который ждет не дождется наступления ночи, чтоб с помощью волшебного цветка проник-

нуть до любимой им девушки… Он слышит шум в доме и удаляется. Входят Кракамиш и Стелла. Старику душно в тесных комнатах: свежий воздух ему нужен. Он приносит с собой огромный фолиант, последнее творение знаменитого мага «Мерлина»;[10] в этом фолианте находится кабалистическая формула, которой ничто противиться не может. Но как найти эту формулу? Кракамиш садится, принимается ее отыскивать. Дочь его помещается возле него с своей прялкой… Происходит разговор между ними. Она просит его отдохнуть, позабыть нанесенное оскорбление, но он сгорает жаждой мести. Она принимается уверять его, что вовсе не нуждается в богатстве, что ей нужна «простая хижина и любящее сердце». Старик вспыхивает. Следует дуэт, в котором он излагает ей все выгоды богатства; а она настаивает на своем. Видя, что он убедить ее не может, он велит ей не мешать ему в его изысканиях и взяться за свою прялку, а сам вновь погружается в книгу. Она повинуется и поет песенку в двух куплетах, мелодия которой так и ложится в память… Лелио за сценой поет третий куплет и, мгновенье спустя, входит с волшебною розой в руке. Следующий на этом месте любовный дуэт между им и Стеллой, по своей стыдливой и в то же время стремительной страстности, едва ли не лучший перл «Последнего колдуна». Кракамиш вглядывается с изумлением, но, по милости цветка, не видит никого; притом же он воображает, что нашел формулу… Зато, когда, по окончании дуэта, Лелио падает на колени перед Стеллой и роняет розу, волшебство исчезает и старику всё открывается. Он приходит в негодование, в ярость. Он убежден, что его прежнее могущество к нему воротилось, что он может теперь разразить в прах дерзкого пришельца; он не слушает просьб Лелио, его заявления о царском своем происхождении, и когда тот не хочет удалиться, вооружается фолиантом и произносит заклинание, которым вызывает ужаснейшее чудовище, долженствующее растерзать противника… Раздается удар там-тама – и на место чудовища из-под земли является баран! (Замечу кстати, что баран этот так добросовестно исполнял свою роль, что блеял всякий раз). «Не та формула!» – восклицает с отчаянием Кракамиш и падает в изнеможении… Лелио и Стелла оба бросаются к нему, стараются его утешить… Им на помощь является царица эльфов. Кракамиш сдается наконец, соглашается на брак дочери, обещается покинуть лес, жить у зятя и после квартета без аккомпанемента (в нем участвует также Перлимпинпин) удаляется под звуки марша, которым знаменуется вступление на сцену эльфов. Царица проводит своим жезлом по воздуху… Дом последнего колдуна проваливается – раздается окончательный хор эльфов, торжествующих свою победу и приветствующих свой заветный лес, отныне навсегда и безраздельно им принадлежащий, и занавес падает.

Вы понимаете, что не мне судить о достоинствах моего либретто; но нет никакого сомнения в том, что достоинства музыки г-жи Виардо во сто раз их превосходят и заслуживали бы лучшего текста. Одно мое мнение, конечно, не много значит; но, повторяю, оно совпадает с мнением множества музыкальных авторитетов, во главе которых стоит Лист (а что с его стороны это не было простым комплиментом, обращенным к даме, – доказательством тому служат письма, которые он писал к своим знакомым). Все эти авторитеты признали музыку г-жи Виардо поэтической, оригинальной, изящной, и советовали ей не останавливаться и продолжать…

Я приехал в Веймар за два дня до первого представления и воспользовался предстоявшим мне досугом, чтобы ознакомиться с «Германскими Афинами», в которых до тех пор еще не бывал, в чем мне, как заклятому гётеанцу,[11] даже несколько стыдно признаться. Мне очень понравился этот небольшой городок, весьма бедный удобствами и вообще красотами – за исключением действительно миловидной местности, – но богатый неизгладимыми воспоминаниями. Они живут в нем до сих пор – эти воспоминания; они не утратили своего обаяния; всякий приезжий ощущает их несомненное веяние – и современная жизнь Веймара доселе как бы носит отпечаток тех великих личностей, которыми освящено всё ее прошедшее. Особенное чувство овладевает вами, когда вы ходите по тем классическим местам.

Напускное, невольное ли то чувство – я не берусь решить, но только оно существует и отрицать его нельзя. Я, конечно, сходил поклониться дому Шиллера, его бедной комнатке, кровати, на которой он умер и от которой с презрением отказался бы теперь всякий несколько зажиточный ремесленник… К сожалению, дом Гёте, не приобретенный казною, подобно Шиллеровскому дому, заперт по воле его внуков, и не отпирается ни для кого. Я мог проникнуть только до широкой и пологой лестницы, по которой Гёте столько раз ходил, и, признаюсь, не без тайного смущения глядел на безобразно-вычурную женскую фигуру, намалеванную на потолке сеней, по распоряжению самого великого старца. Невозможно понять, что она представляет: вероятно, поэзию; округлая складка покрова над ее головою подобна шляпке гриба. Я уже прежде подозревал, но в Веймаре наглядно мог убедиться, что Гёте обладал самым дурным вкусом в деле ваяния, живописи, архитектуры; творец «Фауста», «Германа и Доротеи» и стольких неподражаемых поэтических произведений являлся каким-то бездарным и тяжелым школяром, как только вопрос касался художества… Утешение для посредственности!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.
…вернувшись оттуда в мое баденское гнездышко. – В Баден Тургенев вернулся около 8 (20) апреля 1869 г.

2.
«Последний колдун» – вторая из трех опереток, уже написанных ею. – Кроме «Le dernier sorcier» («Последнего колдуна»), П. Виардо написала оперетты «Trop de femmes» («Слишком много жен») и «L'Ogre» («Людоед»). Текст «Последнего колдуна» см.: Лит Насл, т. 73, кн. 1, с. 177–207.

3.
…подобие театра ~ первоклассные музыкальные авторитеты… – О постановке оперетт П. Виардо в баденском доме Тургенева см. Швирц Г. Представление оперетты «Последний колдун». – Лит Насл, т. 73, кн. 1, с. 208–210. Среди слушателей оперетт Г. Швирц называет И. Брамса, Ф. Листа, К. Шуман (см. там же, с. 208–212). Тургенев в письме к В. П. Боткину от 24 сентября (6 октября) 1867 г. упоминает, кроме вышеперечисленных, К. Леви, Я. Розенгайна, А. Г. Рубинштейна.

4.
Особенно горячо принялся за это дело находившийся тогда в Веймаре Лист. – Тургенев сообщал об интересе Ф. Листа к оперетте «Последний колдун» и о помощи в ее постановке в письмах к Ж. Этцелю 8 (20) февраля, Л. Пичу 12 (24) февраля, В. П. Боткину 18 февраля (2 марта), Н. А. Милютину 27 февраля (11 марта).

5.
…Лассен Эдуард (1830–1904), немецкий композитор и дирижер, с 1861 г. – веймарский придворный капельмейстер.

6.
Музыкальный критик и литератор Рихард Поль… – Поль Рихард (1826–1896) – немецкий поэт, композитор, музыкальный критик. Три его стихотворения («Загубленная жизнь», «Лесная тишь», «Ожидание») переведены на русский язык Тургеневым и положены на музыку Полиной Виардо (см. наст. изд., т. 12).

7.
…посольство от подвластных ему кохинхинских духов… – Намек на Наполеона III, карикатурой на которого во многом является образ колдуна Кракамиша. В 1866–1867 годах французские колониальные войска захватили область Кохинхина в Индокитае. См. об этом подробнее: Лит Насл, т. 73, кн. 1, с. 212.

8.
…с веткой травы Моли́, уже известной грекам и упомянутой в Одиссее. – Моли – сказочная волшебная трава, вроде разрыв-травы в русских сказках. Она упоминается в десятой песне «Одиссеи»: Эрмий (Гермес) вручает эту траву Одиссею, чтобы он с ее помощью противостоял чарам Цирцеи.

9.

Кракамиш произносит нечто вроде тронной речи ~ о своем желании сохранить мир и т. д. – Намек на Наполеона III не мог не понравиться прусскому королю Вильгельму. Вероятно, имеется в виду представление «Последнего колдуна» на любительской сцене в его доме, где присутствовал и сам король. Об этом Тургенев писал 7 (19) октября 1867 г. Анненкову.

10.

…мага «Мерлина». – Мерлин – герой средневековой сказочной литературы, волшебник при дворе короля Артура.

11.

…мне, как заклятому гётеанцу. – Об отношении Тургенева к Гёте см.: Rosenkranz E. Turgenev und Goethe – Germanoslavica, Jhr. 2, 1932–1933, Hf. 1, S. 76–90; Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. Л., 1982, с. 276–284; Schütz K. Das Goethebild Turgeniews. Sprache und Dichtung. Hf. 75, Bern – Stuttgart, 1952, S. 155; Гутман Д. С. Тургенев и Гёте. – Уч. зап. Елабужского пед. ин-та, 1959, № 5, с. 149–183.